

Н. П. Петерсонъ.

О РЕЛИГІОЗНОМЪ ХАРАКТЕРѢ ученія Н. О. Федорова.

(По поводу статей С. Я. Голованенки въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1914 г.).

Цѣна 20 коп.

Н. П. Петерсонъ.

О РЕЛИГІОЗНОМЪ ХАРАКТЕРѢ ученія Н. О. Федорова.

(По поводу статей С. Я. Голованенки въ „Богословскомъ Вѣстнике“ 1914 г.).

ЛП-Печатка А.И.Снегиревой Москва. № 23

1915.

10474

2007112423

Несмотря на то, что издание произведений Николая Федоровича Федорова еще не закончено¹⁾, учение его уже успело занять почетное место в области русской философской мысли, и если еще не многочисленны последователи этого учения во всей его полноте, есть уже не мало почитателей Н. Ф. Федорова не только какъ великаго мудреца-праведника, но и какъ мыслителя, глубокаго и благороднаго по духу и направленію.

Тѣмъ не менѣе критическая литература о его учении пока еще не велика; а потому нельзя не привѣтствовать появленія въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ ряда серіозныхъ статей г. С. А. Голованенки на эту тему. Статьи эти, воздающія должное глубинѣ мыслей Н. Ф. Федорова и огромной важности возбуждаемыхъ имъ вопросовъ, будуть вѣроятно содѣйствовать возрастанію интереса и къ автору „Философіи общаго дѣла“ и къ его учению. Къ сожалѣнію, сужденія г. Голованенки объ этомъ послѣднемъ не свободны отъ нѣкоторыхъ, какъ намъ кажется, ошибочныхъ взглядовъ на общий характеръ убѣждений Н. Ф. Федорова. Въ виду того, что статьи г. Голованенки еще не закончены, полное и детальное обсужденіе ихъ представляется пока преждевремен-

¹⁾ Философія общаго дѣла. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданыя подъ редакціей В. А. Кожевникова и Н. И. Петерсона. Т. I. Вѣрный 1906 (не для продажи); Т. II. Москва 1913.

нымъ; но мы полагаемъ, что уже и теперь онъ даютъ до-
статочно оснований высказаться относительно одного изъ взгля-
довъ на „Философию общаго дѣла“, который, судя по ста-
тьямъ г. Голованенки, наиболѣе нуждается въ безпредвзятомъ
разъясненіи. Я разумѣю вопросъ о религиозномъ характерѣ
ученія Н. Федорова. Разсмотрѣнію этого вопроса, въ
связи со статьями г. Голованенки, до сихъ поръ напечатаными,
или, вѣрнѣе, по поводу ихъ, и посвящены ниже-
слѣдующія страницы.

Зарайскъ. 4 Декабря 1914 г.

О религіозномъ характерѣ ученія Н. О. Федорова.

(По поводу статей С. А. Голованенки въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“
1914 г.).

Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за текущій годъ появились три статьи С. А. Голованенки, посвященные разсмотрѣнію ученія Н. О. Федорова: 1) „Философія смерти и воскрешенія“ (апрѣль 1914 г.); 2) „Православіе и культь предковъ“ (май 1914 г.) и 3) „Імманентизмъ и христіанская философія“ (іюль—августъ 1914 г.). Въ первыхъ двухъ статьяхъ излагалось содержаніе произведеній Н. О. Федорова, собранныхъ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ „Философія общаго дѣла“, а въ третьей заключается уже и критика этихъ произведеній.

Окончательный выводъ критики должно назвать не только неяснымъ, но и какимъ-то двойственнымъ. Выводъ этотъ таковъ: „остается несомнѣнное сознаніе, что философія Федорова нѣчто новое, глубокое, важное“; „не только правильно поставлена основная религіозно-философская проблема, но и правильно расчленена. Таково общее впечатлѣніе при взглядѣ на философію Федорова“,—говорить г. Голованенко. „Но пристальнѣе изучая самое раскрытие задачъ и требованій и, тѣмъ болѣе, обрисовку осуществленного требованія „общаго дѣла, мы замѣчаемъ“,—говорить авторъ далѣе,—„что философія Федорова переливаетъ самыми разнообразными цвѣтами, и порой совсѣмъ ясно, что и въ ней не разгадана тайна жизни, тайна личности“.

Приступая затѣмъ къ критикѣ, г. Голованенко говоритъ: „Уловить основную интуїцію, подмѣтить ея общий логический обликъ, значитъ понять сущность системы мысли“; а далѣе

спрашивается: „какова основная интуиція философії Федорова и какъ она запечатлѣна въ понятіяхъ?..“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ, г. Голованенко приходитъ къ заключенію, что „основная интуиція, поглощавшая сознаніе Федорова, есть „интуиція цѣлаго“.—Какъ онъ пришелъ къ такому заключенію, г. Голованенко не объясняетъ, и заявляя, что личность Федорова остается загадочной, ограничивается утвержденіемъ, будто „въ философіи общаго дѣла, какъ философіи жизни, какъ живомъ словѣ и призываѣ, не потерявшемъ непосредственной свѣжести отъ логической обработки, чувствуется, и чувствуется определенно, общее настроеніе, влеченіе, философскій эросъ“; и это настроеніе, по мнѣнію автора, „въ особомъ воспріятіи цѣлаго единства“. Только потому, слѣдовательно, что это ему *чувствуется*, г. Голованенко и позволяетъ себѣ утверждать, будто „основная интуиція, поглощавшая сознаніе Федорова, есть интуиція цѣлаго“.

Но если бы С. А. Голованенко познакомился съ произведеніемъ В. А. Кожевникова „Николай Федоровичъ Федоровъ. Опытъ изложения его ученія по изданнымъ и неизданнымъ произведеніямъ, перепискѣ и личнымъ бесѣдамъ“,—гдѣ такъ ярко и, можно сказать, художественно начертанъ образъ покойнаго мыслителя, онъ не сказалъ-бы, что личность Федорова остается загадочной, и понялъ-бы, что личное настроеніе Федорова заключалось въ состраданіи ко всѣмъ страждущимъ, а „не въ особомъ воспріятіи цѣлаго, единства“. Но такъ какъ страданія происходятъ отъ разъединенія, раздѣленія, отъ розни, то чувство состраданія и привело Федорова ко всеединству, а не къ цѣлому, что—не одно и то же. И, такимъ образомъ, то, въ чемъ Голованенко видѣтъ воспріятіе цѣлаго, единства, не было у Федорова интуиціею; оно порождено въ немъ процессомъ болѣе сложнымъ: наблюдениемъ надъ положеніемъ человѣчества, выясненіемъ его страданій и, затѣмъ уже,—состраданіемъ къ страждущимъ. На стр. 55—56 вышеозначенной книги В. А. Кожевникова говорится: „На листкѣ, затерянномъ среди его (Н. Ф. Федорова) рукописей и озаглавленномъ „Необходимое дополненіе“, мы встрѣчаемъ слова, которыхъ хотя и не имѣютъ пря-

мого указания на то, что они относятся къ нему, однако со-
впадаютъ какъ разъ (мѣстами даже буквально) съ тѣмъ, что
намъ, и не намъ однимъ, довелось еще раньше не разъ
слышать отъ него въ устной бесѣдѣ. Вотъ эти знаменатель-
ные слова: „отъ дѣтскихъ лѣтъ сохранились у меня три
воспоминанія: видѣлъ я черный, пречерный хлѣбъ, которымъ (го-
ворили при мнѣ) питались крестьяне въ какой-то, вѣроятно,
голодный годъ. Слышалъ я съ дѣтства объясненіе войны (на
мой вопросъ о ней), которое меня привело въ страшное не-
доумѣніе: „на войнѣ люди стрѣляютъ другъ съ друга“.
Наконецъ, узналъ я не о томъ, что есть и не родные, а
о томъ, что сами родные—не родные, а чужие“. „Отвѣтомъ
на три трагичныя впечатлѣнія дѣтства былъ“, — говоритъ
В. А. Кожевниковъ, — „призывъ къ обезспеченію всѣмъ про-
питанія, здоровья и знанія, къ прекращенію не только вражды
международной, войны, но и всякой вражды, явной и скры-
той, намѣренной и невольной, и, наконецъ, призыва къ лю-
дямъ, ставшимъ чужими, вернуться къ родству, ко всеоб-
щему братству чрезъ всеобщее сыновство, чрезъ „возвра-
щеніе отцамъ сердецъ сыновъ“ для спасенія тѣхъ и другихъ,
для всеобщаго спасенія“. На стр. 30-й книги В. А. Кожев-
никова разсказанъ случай, ярко характеризующій отношеніе
Н. ѡ. Федорова къ страданіямъ другихъ¹⁾.

Если-бы г. Голованенко познакомился со всѣмъ этимъ, то
едва ли почувствовалъ-бы въ произведеніяхъ Федорова какой-
то „философскій эросъ“. Никакой эросъ не владѣлъ этимъ

1) „Узнавъ, что у одного изъ бѣдныхъ учениковъ боленъ отецъ, а денегъ на лечение не хватаетъ, Н. ѡ. отдалъ ученику для этого дѣла всѣ свои деньги; когда же больной умеръ, и не на что было хоронить его, Н. ѡ. продалъ свой вицмундиръ, выручку отдалъ ученику-сиротѣ, а самъ явился на урокъ въ настолько ветхой одеждѣ, что случившійся, какъ нарочно, въ этотъ день въ школѣ приѣзжий начальникъ былъ изумленъ невозможнымъ костюмомъ преподавателя и, когда тотъ отказался объяснить причину своей кажущейся перешлиности, предложилъ ему выйти въ отставку, на что Н. ѡ. охотно согласился-бы, если-бы директоръ училища не поспѣшилъ разъяс-
нить начальству особыя свойства страннаго преподавателя“. На 1-й стр.
своего труда В. А. Кожевниковъ, объясняя, почему Н. ѡ. Федоровъ оста-
вался мало известнымъ, говоритъ: „причиною тому была отчасти удивитель-
ная скромность покойного, не только полное отсутствіе въ немъ тицесла-
вія, но даже боязнь известности и похвалы“. И я съ своей стороны могу
засвидѣтельствовать, что Н. ѡ. не только не нуждался въ какомъ либо по-
опреніи, но и не терпѣлъ ничего похожаго на похвалу.

человѣкомъ; онъ вполнѣ сознательно отдалъ всего себя на служеніе страждущимъ; а страждущими онъ считалъ всѣхъ безъ всякихъ исключеній, какъ это видно между прочимъ изъ того, что онъ говорить о вопросѣ, который Гейне назвалъ проклятымъ („зачѣмъ страдаютъ добрые люди въ этомъ мірѣ и благоденствуютъ злые“)—(стр. 96—98 т. I-го Филос. общ. дѣла). Чувство состраданія сдѣлало для Федорова невозможнымъ какое либо самоуслажденіе, и на него болѣзньенно дѣйствовалъ всякий намекъ на похвалу; Федоровъ былъ натура царственная въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ чувствѣ состраданія получили начало всѣ произведенія Федорова, который, вмѣстѣ съ Моисеемъ, желалъ лучше страдать съ народомъ Божіимъ, чѣмъ наслаждаться съ египтянами. Это выражено Федоровымъ, между прочимъ, въ его замѣткѣ, помѣщенной во II т. Философіи общаго дѣла, на стр. 42—43, подъ заглавиемъ—„Приговоръ и нѣсколько словъ въ оправданіе“.

Явленія смерти и воскрешенія не заволакивались у Федорова интуиціей цѣлаго и не были только выражениемъ этой интуиціи,—какъ полагаетъ г. Голованенко (стр. 571-я); напротивъ, цѣлое потому и было цѣнно для Федорова, что въ цѣломъ,—вѣрнѣе сказать,—въ единствѣ (во *всѣединствѣ*),—что не одно и то же,—Федоровъ видѣлъ необходимыя условія воскрешенія и жизни нестарѣющеся. И смерть для Федорова не въ смѣшеніи лишь цѣлаго, не беспорядокъ въ границахъ этого цѣлага, не внутренний только разладъ, не временный лишь переполохъ,—какъ это приписывается ему Голованенко; смерть для Федорова есть дѣйствительное нарушеніе жизни, лишеніе ея. Въ обезличивающей однородности, въ безразличіи цѣлага, какъ и въ искусственномъ, вѣнчанемъ сочетаніи, въ механическомъ единствѣ Федоровъ видѣлъ смерть; ведеть же къ смерти, т. е. къ дѣйствительно безразличному цѣлому, разъединеніе живыхъ личностей, рознь, вражда. Жизненное единство, по мысли Федорова, есть единство вполнѣ самостоятельныхъ, оригинальныхъ личностей, обладающихъ каждой своимъ особымъ, личнымъ качествомъ; это—единство, а не сліяніе въ одну безличную, безобразную (не имѣющую образа), мертвую массу, которая такъ же от-

вратительна, какъ и борьба личностей, приводящая къ уничтоженію всякихъ личныхъ особенностей, къ потерѣ лица, образа, единообразность, приводящая къ сліянію смерти, къ мертвой цѣлостности. На стр. 571-й Голованенко, полагая, что излагаетъ мысль Федорова, говоритъ: „Смерть въ смѣшніи цѣлаго, качествѣ бытія. Отсюда разнородность, неродство—не братство“.—Что, однако, это значитъ? Какъ изъ смѣшнія цѣлаго, качествѣ бытія,—смѣшнія, следовательно, въ безразличіе,—можетъ явиться разнородность, неродство—не братство? Въ безразличіи нѣтъ ни братства, ни не-братства; въ безразличіи просто—смерть. И какъ цѣлое, будучи цѣлымъ, можетъ смѣшаться; съ чѣмъ оно смѣшается?..

Жизнь, по мысли Федорова, въ братскомъ единству, въ единствѣ гармоничномъ, основанномъ на любви обладающихъ различными качествами личностей; а смерть, по его мысли, вовсе не временный лишь переполохъ, какъ думаетъ приписать ему это Голованенко; она можетъ быть и вѣчною, если только человѣкъ не станетъ тѣмъ, чѣмъ долженъ, чѣмъ онъ предназначенъ быть, т. е. если человѣкъ не станетъ орудіемъ Бога, создавшаго жизнь и человѣка, какъ свое орудіе для внесенія жизни въ міръ. По мысли Федорова, какъ избранный народъ еврейскій былъ отвергнутъ Господомъ, такъ и земля, чрезъ которую предназначено внесеніе жизни въ міръ, можетъ быть отвергнута; и она погибнетъ со всѣмъ населеніемъ своимъ, если родъ человѣческій не пойметъ своего назначенія—быть разумомъ, душою міра, быть орудіемъ Бога, во Святой Троицѣ читимаго, быть орудіемъ внесенія жизни въ міръ. И будетъ тогда избранъ иной міръ, другая планета для осуществленія того, на что предназначалась земля.

Но Федоровъ вѣрилъ, что земля, что земпородный человѣческій родъ исполняетъ свое назначеніе; ручательство этого онъ видѣлъ въ пришествіи Господа Нашего Іисуса Христа на землю, въ Его страданіяхъ, смерти и воскресеніи, а также и въ сонмѣ святыхъ, которые не могутъ погибнуть. Не погибнутъ они; не погибнемъ и мы, ихъ родичи, а исполнимъ предназначеннное намъ. Какъ ни ничтожны мы предъ задачею намъ предлежащею, но Федоровъ вѣрилъ, что о насъ, о нашемъ существѣ сказано: „умалилъ еси его малымъ чимъ

отъ ангель, славою и честію вѣнчалъ еси его, и поставилъ еси его надъ дѣлъ руку Твою („небеса дѣла перстъ Твоихъ, луна и звѣзды, яже Ты основалъ еси“), вся покорилъ подъ нозѣ его“; т. е. „не ангеломъ-бо покори Богъ вселенную грядущую“, а человѣку... „Внегда же покорити ему всяческая, ничто же остави ему не покорено“. (Стр. 456-я 1-го т. Фил. Общ. Дѣла).

На стр. 571-й Голованенко говоритъ: „невольно является недоумѣніе: если философія Федорова по своимъ психологическимъ истокамъ есть философія смерти, то почему смерть потеряла свою устрашающую, дѣйствительную силу?“ И отвѣчаетъ на это: „потому что сознаніе Федорова было поглощено интуиціею цѣлаго; въ ней заложена та неопределѣленность, которая дѣлаетъ философію Федорова многозначной. Проблема зла и смерти, какъ проблема небытія, самая насущная, единственная проблема всякой философіи. Есть-ли небытіе, или оно *кажется*? Какъ побѣдить смерть?“ Мы же съ своей стороны на это скажемъ, что смерть потеряла устрашающую силу съ того времени, какъ воскресъ Христосъ. И если Федоровъ не боялся смерти, то потому именно, что онъ былъ истинный христіанинъ, а вовсе не потому, что его сознаніе было поглощено интуиціею цѣлаго. На философію Федоровъ смотрѣлъ какъ на то, что должно служить осуществленію вѣры христіанской, которая есть не чаяніе только всеобщаго воскресенія и жизни вѣчной, но и „осуществленіе ожидаемаго“, какъ это говорится въ сунодальномъ переводѣ ст. 1-мъ XI гл. посланія къ Евреямъ, на что любиль указывать Федоровъ, находя, что переводъ этого мѣста по истинѣ богоухновенный. Поэтому и философія Федорова, какъ вѣра христіанская, имѣть болѣй тонъ призыва къ жизни, хотя временная смерть еще и не устранена.

Голованенко не замѣтилъ въ Федоровѣ главнаго, а именно того, что онъ былъ *христіанинъ*, и христіанинъ *православный*. Будучи прежде всего христіаниномъ, а не философомъ, всецѣло подчинивъ философію вѣрѣ, Федоровъ никогда не задавался вопросомъ есть-ли *небытіе*? Вопросъ—есть-ли бытіе или нѣть его?—такой же праздный, какъ и

вопросъ—почему сущее существуетъ? Для Федорова было важенъ одинъ вопросъ: почему живущіе страдаютъ и умираютъ? Это—тотъ коренной вопросъ, которымъ Федоровъ былъ занятъ всю жизнь свою. И вопросъ о бытіи, о жизни былъ разрѣшенъ для Федорова въ Господѣ Нашемъ Іисусѣ Христѣ, Который и есть „путь, истина и жизнь“. Для Федорова важно было разрѣшеніе вопроса, какъ вступить на путь Христовъ, чтобы прійти къ истинѣ и благу, т. е. къ жизни неизсякаемой, и къ воскрешенію всѣхъ умершихъ, безъ котораго немыслимо бессмертие живущихъ, немыслимо нравственно, если-бы оно и было возможно физически. Федоровъ задался вопросомъ, какъ вступить на путь Христовъ потому, что для него было несомнѣннымъ, что сознательно міръ идетъ не по пути Христову: Христосъ есть истина и жизнь, а міръ, т. е. родъ человѣческій, предназначенный руководить міромъ, идетъ самъ, ведеть за собою и міръ къ смерти и гибели.

На стр. 572-й Голованенко говоритъ: „Федоровъ не любилъ Канта и Ничшѣ, Канта-раціоналиста, Ничшѣ-мистика“. „Федоровъ такъ страстно боролся съ врагами, что слѣды противниковъ остались на его философіи, не только остались, но заразили ее. Въ концѣ концовъ, природа понятій Федорова въ другой формѣ, въ другихъ сочетаніяхъ мелкихъ формъ, не враждебна ни холоднымъ, жизнеубивающимъ схемамъ Канта, ни страстнымъ опьяняющимъ переживаніямъ Ничшѣ. Федоровъ хотѣлъ объединить и раціонализмъ, и мистицизмъ; но его трезвость отразила то и другое, не претворивъ ихъ до конца. Философія трезвости стала клониться то прямо, то косвенно, къ гностицизму“.—Такое мнѣніе о Федоровѣ могло сложиться только у того, кто видитъ въ Федоровѣ только философа, хотя Федоровъ не давалъ на это никакого права, повторяя въ своихъ произведеніяхъ много разъ, что философы, если они только философы,—худшіе изъ людей, возмнившіе себя лучшими. Сказанное мнѣніе о Федоровѣ могло сложиться лишь у того, кто не хочетъ видѣть въ немъ самаго главнаго—православно-вѣрующаго христіанина, хотя въ произведеніяхъ Федорова это качество выражено не только ясно, но и ярко. Какъ для православно—вѣрующаго,

для Федорова тайна жизни и личности или вопросъ о бытіи, разрѣшается во Христѣ, Который есть путь, истина и жизнь, и въ учениі о Пресвятой Троицѣ. Только тогда, когда мы вступимъ на этотъ путь, на путь Христовъ, мы придемъ къ истинѣ и жизни, только тогда будутъ разрѣшены всѣ тайны... Вѣруя такъ, Федоровъ не могъ задаваться вопросомъ о бытіи или небытіи, не могъ брать на себя разрѣшенія тайнъ жизни и личности, а потому и обвиненіе Федорова въ томъ, что и въ его философіи „не разгадана тайна жизни и личности“ (стр. 570-я), совершенно напрасно. Но мысли Федорова, разрѣшеніе этихъ тайнъ будетъ дано только объединенному роду человѣческому, вступившему на путь Христовъ, а не отдельному человѣку, кто бы онъ ни былъ. И какъ можно говорить о Федоровѣ, что онъ кого-либо не любилъ, не любилъ Канта, не любилъ Ничше? Федоровъ всего себя предалъ дѣлу всеобщаго спасенія; поэтому онъ любилъ всѣхъ, способствовавшихъ вступленію на путь спасенія, и всѣ, противоборствующіе этому, возбуждали въ немъ гнѣвъ лишь до тѣхъ поръ, пока продолжалось ихъ противоборство. Повторяемъ, эросъ не имѣлъ силы надъ Федоровымъ. Федоровъ не любилъ то направленіе, которое Кантъ и Ничше дали жизни рода человѣческаго, а не ихъ самихъ по себѣ, такъ какъ они тоже страдали и умерли, а потому и заслуживають состраданія. И никакая зараза ни отъ Канта, ни отъ Ничше не коснулась Федорова; дѣятельность его была совсѣмъ иная, чѣмъ этихъ философовъ, Федоровъ не былъ философомъ въ обычномъ смыслѣ. Заразиться отъ Ничше Федоровъ не могъ уже потому, что міровоззрѣніе его вполнѣ сложилось и твердо установилось прежде, чѣмъ было впервые упомянуто имя Ничше.

На стр. 572-й Голованенко говоритъ: „Философія Канта разрѣшаетъ два вопроса: вопросъ о возможномъ опыте, бытіи, и вопросъ о действительномъ опыте, знаніи. Борьба Федорова съ Кантомъ—борьба по преимуществу въ вопросѣ о действительномъ опыте—знаніи. Но такъ какъ Федоровъ на первый вопросъ по существу отвѣчаетъ такъ же, какъ Кантъ, то и борьба съ Кантомъ въ заранѣе принятыхъ границахъ борьба не смертельная.“—Но Федоровъ никакого отвѣта на

первый вопросъ совсѣмъ не даетъ; напротивъ, онъ говоритъ, что первый вопросъ не разрѣшимъ безъ разрѣшенія второго; только дѣйствительнымъ опытомъ мы придемъ къ разрѣшенію вопроса теоретического, „а потому первое мѣсто, даваемое теоретическому уму, есть узуриація“,—говорится на стр. 408-й (см. статью „О двухъ разумахъ (теоретическомъ и практическомъ)“ стр. 407—409-я т. I-го Фил. общ. дѣла). Всякое теоретическое рѣшеніе, пока оно не провѣрено опытомъ, есть только проектъ рѣшенія, а не рѣшеніе дѣйствительное. Приходится опять и опять повторять, что вопроса о бытіи Федоровъ не рѣшаетъ; напротивъ, онъ ставить въ вину Канту именно то обстоятельство, что Кантъ счелъ возможнымъ разрѣшить этотъ вопросъ и, разрѣшивъ его только въ мысли, признавъ, что дѣйствительный опытъ для рѣшенія этого вопроса не возможенъ, счелъ это свое рѣшеніе истиннымъ. Федоровъ же не рѣшаетъ этого вопроса, а указываетъ лишь путь къ рѣшенію его, и путь этотъ есть путь Христовъ.

Только вступивъ на этотъ путь, что не возможно въ отдельности для каждого, такъ какъ и Богъ не одинъ, а троиченъ въ лицахъ, родъ человѣческій придетъ къ рѣшенію вопроса о бытіи, и не въ мысли только, какъ рѣшалъ его Кантъ, а въ дѣйствительности. Только вступивъ на путь Христовъ, родъ человѣческій придетъ ко Христу, Который есть истина и жизнь. Приписывая Федорову рѣшеніе вопроса „о возможномъ опыте, бытії“ согласное съ тѣмъ, какъ рѣшаетъ это Кантъ, Голованенко полагаетъ, что и для Федорова такъ же, какъ и для Канта, „возможный опытъ, бытіе или природа—это весь чувственный міръ, что всякое возможное бытіе—чувственное. Нѣть особаго духовнаго міра; мистическая сущности—грезы. Бытіе всегда имманентное, естественное, а не трансцендентное, сверхъестественное“.— Но какъ можно приписать все это человѣку, который вѣритъ въ личнаго Бога, вѣритъ въ Пресвятую Троицу, въ Бога Отца, Сына и Св. Духа, вѣритъ въ реальное существованіе лицъ Пресвятой Троицы, хотя они невидимы и неосозаемы, — вѣритъ, что Христосъ по воскресеніи про никаль чрезъ запертныя двери, дѣлался внезапно невидимымъ,

хотя и имѣлъ человѣческое тѣло, къ которому прикасались, которое осязали. Какъ можно приписать тѣ, что приписываются Голованенко Федорову, который на стр. 248—249-й 1 т. Филос. общ. дѣла говорить: „равнодушію нужно приписать и то обстоятельство, что явленія воскресшаго Христа считаются законченными, вопреки прямому обѣщанію Спасителя, сказанныму въ отвѣтъ на.... вопросъ Іуды не-искаріотскаго— „Господи, и что бысть, яко намъ хощеши явитися, а не мірови“ (Іоан. XIV, 22). Соблюденіе слова ставится условіемъ явленія: „аще кто любить Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбить его, и къ нему приидема и обитель у него сотворима“ (Іоан. XIV, 21—23). Не нужно, кажется, вопрошать, явится-ли Христось, когда весь міръ сдѣлается исполнителемъ слова, совершителемъ заповѣди всеобщаго воскрешенія.“ А на стр. 447—448-й говорится: „Почему наука, вмѣсто раскрытия плана искупленія (спасенія) отъ грѣха и смерти, плана воскрешенія, какъ общаго дѣла, стала отрицаніемъ христіанства? Отрицаніе шло отъ людей ученыхъ, отъ тѣхъ, которые занимались знаніемъ для знанія, вопросомъ—„почему сущее существуетъ“... Если же этотъ вопросъ „замѣнить вопросомъ, почему живущіе страдаютъ и умираютъ“.... почему разумныя существа не дѣлаются служителями, или орудіями Существа, бытіе Котораго (т. е. Бога) они не могутъ не предполагать, и отрицать Которое не на словахъ только возможно лишь дѣля злое; дѣля же добро въ совокупности, мы утверждаемъ Его бытіе“, —то эти послѣдніе вопросы будутъ заключать въ себѣ первый и „всѣ они составятъ вопросъ объ искупленіи (спасеніи) міра, или вопросъ о грѣхѣ, т. е. враждѣ между людьми, начатой Каиномъ, вопросъ о небратствѣ, о проклятіи или отчужденіи отъ Благого Существа и подчиненіи злому, чтѣ и выражается во взаимномъ вытѣсненіи или смерти“. Далѣе на стр. 455—456-й говорится: „Создатель міра изъ ничего и въ созданномъ Имъ мірѣ проявляетъ свою мощь лишь въ немощи... И человѣкъ... служить выраженіемъ мощи, вытекающей изъ естественной его немощи... Человѣкъ, немощный по природѣ, могучъ по работѣ, по труду. Нужда, бѣдность ведутъ къ открытиямъ... Открытія дѣлаются не

учеными: скрытое отъ мудрецовъ открывается младенцамъ. Противъ всякаго рода Голіафовъ являются Давиды; миллионы Ксеркса поражаются горстью грековъ. Агнецъ побѣдить звѣря"... И наконецъ, на стр. 634-й: „Ученіе о св. Троицѣ не нуждается ни въ защищать его самого, ни въ опроверженіи противныхъ ему ученій; достаточно показать то дѣло, которое требуется этимъ ученіемъ, чтобы привлечь къ нему сердца всѣхъ людей безъ исключенія. Основою же богословія, всѣхъ вѣтвей его (основное богословіе) является съ этой точки зренія не мысль или понятіе лишь о Богѣ, а дѣло Божіе, соединяясь въ коемъ, всѣ люди, какъ одинъ Божій человѣкъ, какъ единый пророкъ, будуть чувствовать самое присутствіе Бога, а не признавать лишь мысленно Его бытіе, какъ ученый профессоръ богословскихъ наукъ“.

Мы могли-бы привести множество подобныхъ мѣстъ изъ произведеній Н. Ф. Федорова; но и приведеннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы, вопреки г. Голованенку, съ увѣренностью сказать, что Федоровъ не отрицалъ, подобно Канту, существованіе духовнаго, транспредентнаго нынѣ для наст., но вѣрилъ, что родъ человѣческій предназначенъ достигнуть божественнаго состоянія тѣми средствами, которыми можетъ въ настоящее время располагать; онъ вѣрилъ, что родъ человѣческій предназначенъ одухотворить материю, какъ и тѣло человѣческое одухотворено во Христѣ, и тогда то, что нынѣ есть транспредентное, стать для настъ имманентнымъ.

Только не обративъ вниманія на самое главное въ произведеніяхъ Федорова, на его вѣру въ реальное существованіе Бога, для настъ невидимаго, неосознанаго, можно говорить о Федоровѣ такъ, какъ говорить о немъ Голованенко, утверждавшій, будто „проблема бытія и знанія, несмотря на ненависть (?) къ Канту разрѣшается Федоровымъ подъ впечатлѣніемъ Канта“, (стр. 578-я), т. е. такъ же, какъ разрѣшаетъ эту проблему Кантъ, который путемъ только разсужденій приходитъ въ сущности къ *отрицанію возможности разрѣшить эту проблему дѣйствительнымъ опытомъ*. Это и отмѣчается на стр. 16-й т. 1-го Философіи общ. дѣла: „Кантъ обрекъ знаніе, — какъ сдѣлалъ это и позитивизмъ,—на вѣчное дѣтство. Стѣсненное границами

искусственного, игрушечного опыта въ маломъ видѣ, знаніе оставляетъ виѣ себѧ непознаваемое, метафизику и агностіцизмъ. Точно такъ же критика практическаго разума (критика дѣла), отказывая человѣку въ общемъ дѣлѣ, вынуждаетъ его къ дѣлу фиктивному (гипнотизмъ, спиритизмъ, мѣдіумизмъ, матеріализація). Счастіе въ этой жизни, которое могъ дать человѣку Кантъ, покупалось очень дорогой цѣнной: забудь о совершенствѣ, недоступномъ тебѣ (Богъ есть лишь идеаль), и тебя не будетъ безнокоить твое несовершенство; не думай о смерти, и не будешь впадать въ парадоксъ безсмертія: занимайся только видимымъ и не помышляй о будущемъ: конеченъ или безконеченъ міръ, вѣченъ онъ или не вѣченъ,—тебѣ этого не рѣшить. Такъ рѣшаетъ Кантъ въ своей критикѣ чистаго разума. Однако все отрицаніе критики чистаго разума основано лишь на предположеніи о неизбѣжности для человѣка розни и о невозможности соединенія въ общемъ дѣлѣ. Но это предположеніе есть предразсудокъ, вовсе не сознаваемый Кантомъ, о которомъ даже не догадывается великій философъ, и не догадывается именно потому, что онъ былъ великій *философъ*, а следовательно и не могъ поставить ничего выше мысли. То, что Кантъ считалъ недоступнымъ знанію, есть предметъ дѣла, но дѣла, доступнаго лишь для людей въ ихъ совокупности, въ совокупности самостоятельныхъ лицъ, а не въ ихъ отдѣльности и розни. На безсознательномъ признаніи неизбѣжности розни основана и критика практическаго разума: порокъ розни (не признаваемый, конечно, за таковой) положенъ въ основу нравственной системы Канта. Этотъ философъ принадлежитъ къ эпохѣ, такъ называемаго, просвѣщенаго абсолютизма и переносить принципъ его въ міръ нравственный: онъ какъ бы и Бога заставляетъ сказать: „все для людей и ничего чрезъ людей!“

Изъ вышеизложеннаго видно, что Федоровъ всѣми силами души своей отвергаетъ это отрицательное рѣшеніе, данное Кантомъ, и лишь указываетъ путь, которымъ объединенный родъ человѣческий, а не каждый человѣкъ въ отдѣльности, придется къ рѣшенію проблемы, разрѣшенной будто-бы Кантомъ; и всѣ произведенія Федорова—лишь призывъ, обра-

щенный ко всѣмъ людямъ, призываю объединиться по образу Пресвятой Троицы. Дѣлая такой призывъ; Федоровъ былъ убѣжденъ, что объединеніемъ по образу Пресвятой Троицы будетъ исполненъ завѣтъ Христа, заключающейся въ заповѣди, данной Имъ по воскресеніи: „шедше, научите, кре-стище во Имя Отца и Сына и Св. Духа“.

Кантъ, полагая, что успѣть разрѣшить вопросы о бытіи и знаніи одною мыслью, и убѣдивъ въ этомъ тѣхъ, кто руководить жизнью народовъ, далъ ложное направление жизни, лишилъ ее всякаго смысла, всякой нравственной основы, и тѣмъ завелъ родъ человѣческій въ тупикъ, изъ котораго приходится выбиваться тою страшною борьбою, до которой мы нынѣ дожили.

Какъ можно говорить о Федоровѣ, будто, по его мысли, нѣть жизненнаго взаимообщенія трансцендентнаго съ имманентнымъ, когда, повторяемъ, Федоровъ вѣрить въ реальное существованіе Бога, когда онъ видитъ совершенство въ жизни, а жизнь отождествляеть съ дѣятельностью и, ссылаясь на слова Христа „Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю“, говорить: „вотъ въ чемъ совершенство“. (Стр. 420-я I т. Ф. общ. д.). Естественная жизнь для Федорова не была чѣмъ-то замкнутымъ; напротивъ, по мысли его, человѣкъ пред назначенъ проложить путь для естественной жизни въ трансцендентное, чтобы трансцендентное для нась, живущихъ, стало дѣйствительною, а не предполагаемою только жизнью, стало имманентнымъ.

На стр. 575-й Голованенко говорить: „Такъ у Федорова мы не видимъ претворенія, преображенія пространственно-временного“. Но Федоровъ и не мечталъ показать такое преображеніе; по его мысли мы увидимъ это преображеніе, лишь когда объединимся по образу Пресвятой Троицы, и такимъ путемъ войдемъ въ единство съ Ней во исполненіе молитвы, а для нась заповѣди, Христа: „да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“ (Иоан. XVII. 21). „Жизнь—родство, братство. Всякая рознь—смерть“, — говоритъ на 574 стр. Голованенко. Тогда какъ по Федорову рознь не смерть, но ведетъ она къ смерти; но вѣдь также ведетъ къ смерти и

сліяніє въ безразличное единство! По Федорову, одинаково цѣнны и необходимы, какъ единство, такъ и полная самостоятельность личностей. Только единство это должно быть единствомъ, не ведущимъ къ сліянію, и самостоятельностью личностей, не ведущею къ розни. Образецъ такого единства при полной самостоятельности личностей Федоровъ и видѣтъ въ Богѣ, въ Пресвятой Троицѣ. Вся исторія, по мысли его, есть осуществленіе этого образца; вся исторія есть Восточный вопросъ или, вѣрнѣе, Восточно-Западный, т. е. борьба Востока или насильственного единства, ведущаго къ сліянію, съ Западомъ или свободою личности, ведущей къ розни. Только осуществленіе единства при полной свободѣ каждой личности, т. е. единство безъ сліянія и свобода безъ розни,— вотъ тотъ проектъ, который долженъ быть осуществленъ міромъ, т. е. родомъ человѣческимъ въ мірѣ.

Міръ вовсе не проектъ, какъ это говорить Голованенко на стр. 576; міръ — матеріалъ для осуществленія проекта, а родъ человѣческий это душа міра, которая и должна осуществить проектъ. Міръ — пассивное, родъ человѣческий — активное; міръ — объектъ, родъ человѣческий — субъектъ; и требуется не объединеніе только субъекта, но и преобразованіе ихъ по образу Пресвятой Троицы. Федоровъ говорилъ не объ одномъ знаніи проективномъ; онъ призывалъ родъ человѣческий къ осуществленію на дѣлѣ, въ самой дѣйствительности проекта, даннаго намъ въ Богѣ животомъ, реальному, въ Пресвятой Троице, Которая для нась и для міра, при настоящемъ состояніи рода человѣческаго и міра, несомнѣнно трансцендентна. Въ настоящее время мы только молимся: „да придетъ Царствіе Твое, да будетъ воля Твоя“ и на землѣ, какъ на небѣ, которое для нась недосягаемо только потому, что мы все еще находимся въ бореніи; все еще единство для нась есть сліяніе, а самостоятельность личности — рознь. И разрѣшиться эта борьба только въ мысли, только въ знаніи не можетъ; она будетъ разрѣшена только на дѣлѣ. Къ этому-то дѣлу и призывалъ Федоровъ; въ этомъ призыва — весь смыслъ произведеній его; и думать, будто онъ трудился надъ разрѣшеніемъ проблемъ бытія и знанія, значитъ не понимать его. Федоровъ останавливался надъ раз-

рѣшенiemъ этихъ проблемъ лишь настолько, насколько это было необходимо для дѣла, и не придавалъ своимъ рѣшеніямъ безусловнаго значенія.

„Федоровъ не принимаетъ духовнаго или мистического знанія“, говоритъ на стр. 576-й Голованенко; нужно же было сказать, что Федоровъ не принимаетъ бездѣятельнаго, бездѣльнаго знанія, знанія, не ведущаго къ дѣлу. По Федорову, всякое знаніе должно имѣть приложеніе: знаніе, даже самое отвлеченнное, потому только не имѣть приложенія, примѣненія, что наша жизнь слишкомъ узка, тогда какъ знаніе, и мысль стремятся обнять всю вселенную...

„Смерть для Федорова — незнаніе“, — говоритъ Голованенко; а нужно было сказать, что незнаніе, по Федорову, ведетъ къ смерти, — сказать же, будто смерть для Федорова есть незнаніе, значитъ навязать ему то, чего онъ никогда не говорилъ; это значитъ отожествить знаніе, т. е. мысль, съ жизнью, а это именно и есть то, что Федоровъ отвергалъ всѣмъ существомъ своимъ; въ этомъ именно и заключается противоположность Федорова и Канта. Первый никогда не смѣшивалъ бытія и мысли, какъ это приписывается ему Голованенко на стр. 577-й своей статьи: по Федорову мысль — не сознаніе или осознаніе, какъ нынѣ говорятъ, жизни, а проектъ, который долженъ быть осуществленъ въ жизни, въ бытіи; по мысли Федорова, *бытие и мысль* вовсе не параллельны; бытіе достигнетъ совершенства, когда въ немъ будетъ осуществлена мысль; чрезъ такое осуществленіе и мысль усовершенствуется, ставъ дѣйствительностью.

Вѣруя въ Бога, Федоровъ вѣруетъ въ Него, какъ въ Создателя неба и земли, творенія не отвергаетъ и не смотритъ на міръ, какъ на цѣлое, въ себѣ замкнутое. Онъ вѣруетъ, что Богъ не почилъ отъ дѣлъ, но „доселъ дѣляетъ“ (Иоан. V, 5), а потому твореніе не окончено. Твореніе, по мысли Федорова, принадлежитъ Богу; человѣкъ же есть лишь орудіе Божіе; и въ настоящее время назначеніе человѣка — возсоздать все разрушеннное, умерщвленное по его же слѣпотѣ. Когда же это будетъ исполнено и человѣкъ войдетъ въ единство съ Богомъ, тогда и для него можетъ открыться

область деятельности иная, а не возсоздание только; по Федоровъ не считаетъ возможнымъ касаться того, что будетъ тогда, когда человѣческій родъ исполнить настоящее свое предназначеніе.

„Смерть не потеря силы, а превращеніе силы“,—говорить Голованенко на стр. 579-й. Но Федорову же смерть есть именно потеря жизни, а съ нею и силы. „Но если Ничшее видѣлъ природу въ ея дробности, а Федоровъ въ ея цѣлостности, то какъ для Ничшего, такъ и для Федорова, природа сама по себѣ не была живою, не была вѣчно другимъ и вѣчное—содружество ея—подчиненное рабство“,—говорить Голованенко далѣе на той же страницѣ. Можетъ быть, Ничшее и видѣлъ природу въ ея дробности, но про Федорова сказать, что онъ видѣлъ природу въ ея „цѣлости“, значить исказить то, что Федоровъ говорилъ: онъ видѣлъ природу такою, какова она есть, каковою ее видѣть всѣ, т. е. рождающею и въ то же время умерщвляющею; онъ видѣлъ, что въ природѣ рожденіе вносить смерть, послѣдующее поглощаетъ предыдущее, чтобы быть поглощеннымъ въ свою очередь. Вотъ какою видѣлъ Федоровъ природу, какъ это много разъ выражено имъ въ его произведеніяхъ. Какъ же можно сказать, что онъ видѣлъ природу въ ея цѣлостности?! Да! природа, по мысли Федорова, сама по себѣ мертва, а не жива; внести въ природу жизнь и есть задача человѣка. Но можно ли было сказать послѣ этого: „объединивъ природу и сознаніе, Федоровъ не могъ принять объединителемъ одинокого сверхчеловѣка“, какъ говоритъ это Голованенко на той же 579 стр. своей статьи? Если для Федорова природа сама по себѣ не была живою, то какъ можно сказать, что Федоровъ объединилъ природу и сознаніе? Развѣ мертвое можетъ имѣть сознаніе? По мысли Федорова, внести въ природу жизнь и сознаніе долженъ бытъ человѣкъ, но не какъ посредникъ между природою и сознаніемъ, а какъ носитель жизни и сознанія. И что это значитъ: „сознаніе хотя и вселенское, оказывается одинокимъ“ (стр. 579)? Человѣкъ, т. е. родъ человѣческій не есть что-либо одинокое; онъ состоить изъ безконечнаго множества личностей, хотя и единыхъ по существу; и вмѣстѣ съ тѣмъ родъ человѣческій есть испол-

нитель воли Божій, а слѣдовательно, онъ никакъ уже не одинокъ, и сознаніе его не одиноко.

„Но такъ какъ воскрешеніе по Федорову не чистое творчество, а возсозданіе, то чѣмъ оно отличается отъ игры?“ — спрашиваетъ Голованенко на стр. 580-й. Но развѣ созданіе міра было игрою? и разрушеніе созданаго, причиняющее столько страданій, развѣ тоже игра? Если же созданіе міра и разрушеніе созданаго — не игра, то и возсозданіе разрушенаго не можетъ быть названо игрою. Безконечные возвраты Ниче, конечно, игра; единый же возвратъ, какъ основа для дальнѣйшаго творчества, никакимъ образомъ игрою быть не можетъ.

Федоровъ не отвергалъ тайны въ настоящемъ, какъ это полагаетъ Голованенко (стр. 583-я); Федоровъ вѣрилъ и надѣялся, что тайное въ настоящемъ время станетъ явнымъ, когда человѣкъ сознательно станетъ орудіемъ Божіимъ.

„Въ чѣмъ для Федорова небытіе, разрывъ?“ — спрашиваетъ Голованенко на стр. 583-й своей статьи, и отвѣтъ: „Въ помраченіи природы. Просвѣтленіе природы уничтожитъ смерть, врага временнаго“. Федоровъ, какъ уже сказано, не ставилъ и не разрѣшалъ вопроса о небытіи. Онъ принималъ жизнь такъ, какъ она дана намъ и какъ принимаютъ ее всѣ, безъ всякихъ исключеній, и считалъ праздною потерей времени заниматься разрѣшеніемъ вопроса, что такое бытіе? Такое же праздное занятіе, по мысли Федорова, и разрѣшеніе вопроса о небытіи: Федоровъ зналъ смерть такъ, какъ знаютъ ее всѣ и задавался вопросомъ не о томъ, въ чѣмъ бытіе или небытіе, не о томъ „почему сущее существуетъ“, а о томъ, — почему живущіе страдаютъ и умираютъ, какъ это говорится на стр. 12-й 1-го т. Фил. общ. дѣла. II будучи вѣрующимъ христіаниномъ, Федоровъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, ни мало не колеблясь, видѣлъ рай въ началѣ и Царствіе Божіе въ концѣ, какъ это говорится на стр. 60-й т. 1-го Фил. общ. дѣла. Онъ задавался вопросомъ не о бытіи и о небытіи, а вопросомъ о томъ, почему потерянь рай и какъ достичь того, чтобы Царство Божіе водворилось на землѣ. И по мысли Федорова, рай потерянь не отъ помраченія природы, — какъ это называетъ ему Голованенко: не природа,

помрачилась, а человѣкъ, одаренный свободою волю, не исполнить своего назначенія, не исполнилъ задачи, заповѣди, данной ему при сотвореніи, управлять міромъ, который былъ созданъ Богомъ. Человѣкъ злоупотребилъ своею свободою: вместо управления міромъ, онъ поддался искушенію; хотѣль получить блаженство безъ труда управления; хотѣль хищениемъ сдѣлаться подобнымъ Богу, знающимъ добро и зло. Въ этомъ—и грѣхъ, омрачившій человѣка; съ омраченiemъ же грѣхомъ человѣка и міръ пришелъ въ разстройство; смерть внесена въ міръ грѣхомъ человѣка. Человѣкъ согрѣшилъ, потому что былъ одаренъ свободою воли; но злоупотребилъ онъ этою свободою, конечно, только по невѣдѣнію. Если-бы онъ зналъ, къ чему приведетъ это злоупотребленіе?!

Такимъ образомъ, смерть, по мысли Федорова, не есть непизбѣжное явленіе природы: природу создаль Богъ, смерти не создавшій. Смерть стала явленіемъ природы послѣ того лишь, какъ человѣкъ согрѣшилъ и этимъ исказилъ природу, совершенійшимъ представителемъ которой, совершенійшимъ созданіемъ Бога былъ онъ самъ. Утверждая, будто по мысли Федорова смерть есть явленіе природы, и что въ этомъ будто бы основная ошибка Федорова (стр. 583-я статьи Голованенко), Голованенко навязываетъ Федорову то, чего и въ мысли у Федорова никогда не было и что никогда не было имъ выражаемо.

„Личность управляетъ природой, благодаря знанію ея необходимыхъ законовъ, и въ знаніи *необходимости* сущность свободы. Такъ думаетъ Федоровъ“, —утверждаетъ Голованенко на стр. 584-й. Но Федоровъ признавалъ только одинъ законъ—законъ Божій и никакихъ самодовлѣющихъ и самостоятельныхъ законовъ природы не допускалъ. Въ природѣ онъ видѣлъ только силы, которыми *свободно* могъ и долженъ быть располагать человѣкъ, подчиняясь однако закону Божію, заповѣди Бога, создавшаго жизнь, создавшаго и силы природы, предназначивъ служить жизни, а не смерти, и отдавъ управлѣніе этими силами человѣку. Такимъ образомъ человѣкъ долженъ быть законодателемъ природы, но тѣмъ самымъ и проводникомъ въ природу закона Божія. Такъ думалъ Федоровъ, а вовсе не такъ, какъ приписываетъ ему

г. Голованенко; и мысль Федорова была согласна съ заповѣдью, данною Богомъ при "созданіи человѣка обѣ управлѣніи міромъ", какъ это признаетъ христіанство.

"Смерть, какъ разрывъ, рождаетъ долгъ" — говорить Голованенко на стр. 385-й. По мысли же Федорова, долгъ возникъ тотчасъ же по сотвореніи человѣка, какъ только человѣкъ получилъ иѣчто, какъ только ему *даны* были жизнь и міръ, какъ средство жизни; все это было *данное*; *заданіе* же человѣку заключалось въ заповѣди — управлять міромъ, силами природы, чтобы міръ сотворенный и, следовательно, несвободный, обратить въ міръ свободный, сознательный. Эта заповѣдь была повторена и Спасителемъ нашимъ въ словахъ: „будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершиенъ“ (Мате. V, 48). Совершенство же можетъ быть достигнуто только тогда, когда все *данное* будетъ искуплено и все *заданное* исполнено. На стр. 92-й I-го т. Фил. общ. дѣла говорится, что содержаніе долга заключается „въ пріобрѣтеніи независимости, но не въ политическомъ смыслѣ, и собственности — не въ соціальномъ, а въ онтологическомъ, т. е. это будетъ пріобрѣтеніемъ того и другого въ смыслѣ физическомъ или даже въ физико-астрономическомъ“. И далѣе, на стр. 93-й, говорится, что „долгъ возникаетъ не изъ пользованія лишь чужимъ (вещью)“, т. е. *данными*ми, не нами сотвореннымъ, — „но и изъ преступленія, т.-е. изъ вытѣсненія младшимъ поколѣніемъ старшаго“; а потому первымъ шагомъ въ исполненіи долга будетъ возвращеніе жизни всему нами вытѣсненному, т. е. всеобщее воскрешеніе. „Несмотря на всѣ трудности“, — говорится на стр. 116-й I-го т. Фил. общ. дѣла, — „всеобщее воскрешеніе есть только возвращеніе къ нормальному состоянію, когда человѣчество, въ полномъ обладаніи природою, какъ своею силою, можетъ осуществлять уже не по нуждѣ, а по избытку душевной мощи, безконечную мысль въ неограниченныхъ средствахъ матеріи, имѣя образецъ въ доступномъ созерцанію человѣческаго рода Божествѣ.

Конечно, не должно въ эту жизнь „будущаго вѣка“ переносить условій дѣятельности нынѣшней жизни, нынѣшней дѣятельности, вызываемой недостатками и страданіями, хо-

домъ отъ худшаго къ лучшему; не невозможень и иной ходъ, ходъ отъ одного хорошаго къ другому, не менѣе прекрасному, и притомъ безъ сокрушенія о первомъ, всегда возвратимомъ... Но останавливаться на по-воскресномъ состояніи было бы излишию роскошью". — А мы съ своей стороны скажемъ, что останавливаться на нововоскресномъ состояніи не только будетъ излишию роскошью, но, представляя это состояніе, мы можемъ, по нашему несовершенству, внести въ него многое, такому состоянію не свойственное, и этимъ возбудить между собою споры ни къ чему, кромѣ раздраженія, не ведущіе. Не опасаясь внести что-либо невѣрное въ представлениѣ о по-воскресномъ состояніи, мы можемъ сказать одно, что только чрезъ всеобщее воскрешеніе, „только въ полномъ своемъ составѣ, въ совокупности всѣхъ поколѣній родъ человѣческій можетъ войти въ обѣщанное ему единство, въ общеніе съ Трѣдинымъ Существомъ, войти въ Него, какъ бы въ свой кадръ“, — какъ это говорится на стр. 85-й I т. Фил. общ. дѣла. Только чрезъ всеобщее воскрешеніе будетъ осуществлена молитва Нашего Спасителя, Господа Иисуса Христа: „да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“.

Говоря о томъ, что такое по понятію Федорова Богъ, С. А. Голованенко, на стр. 586 — 587-й, опять повторяетъ, не знаю уже въ который разъ, будто Федоровъ не признаетъ тайны, отрицаетъ свободу, не принимаетъ духовнаго. Поэтому приходится опять повторить, что Федоровъ признаетъ тайну въ настоящемъ, но надѣется и не сомнѣвается, что она раскроется въ будущемъ. Признавая свободу въ настоящемъ весьма ограниченою („свободны, какъ птица въ клѣткѣ“), онъ видитъ назначеніе человѣка въ томъ, чтобы стать существомъ свободнымъ, которое, будучи хотя и материальнымъ,ничѣмъ однако не будетъ отличаться отъ духа, ибо материальное будетъ въ немъ одухотворено, подобно тому, какъ материальное тѣло Христа одухотворено со времени Его воскресенія.

„Такъ какъ природа — зло, Богъ — нашъ отецъ, отецъ человѣческій“, говорить Голованенко на стр. 587-й, и при-

писывается, конечно, Федорову мысль, что природа— зло. Но Федоровъ никогда не дерзалъ сказать, что Богъ сотворилъ зло, и природа, когда она вышла изъ рукъ Создателя, не была зломъ, а была средствомъ для осуществлениія добра; осуществлениѣ же добра было возложено на человѣка, надѣленнаго свободою воли; но человѣкъ, какъ уже сказано, злоупотребилъ свободою и, вмѣсто воспріятія на себя труда управлениія міромъ, согласно Божественной заповѣди, захотѣлъ безъ труда, какъ выше сказано, хищеніемъ, получить Божественное совершенство, въ чемъ и заключается грѣхъ, внесшій зло въ міръ, ограничившій свободу человѣка, сдѣлавшій его смертнымъ. Думая такъ, Федоровъ не могъ прйтти къ заключенію, будто „Богъ—нашъ Отецъ. Отецъ человѣческій“, потому только, что природа зло; ибо зло, какъ признавалъ Федоровъ, согласно съ нашей религіей, вошло въ міръ чрезъ нась, чрезъ нашъ грѣхъ. Да, въ примѣчаніи на стр. 357—358-й I т. Фил. общ. дѣла говорится: „не въ природѣ Богъ, а съ нами Богъ“; но это не потому, что природа— зло, а потому, что природа слѣпа; въ ней нѣть сознанія. На стр. 357-й говорится, что авторитетъ папскій „составляетъ нѣчто столь противоположное сущности русскаго народа, что самое раздѣленіе его, расколъ, произошелъ именно изъ опасенія, не олатинилась-ли, не уклонилась-ли въ цапизмъ русская православная Церковь. Русскій народъ страшится, можно сказать, самой тѣни папизма“. И затѣмъ: „Не вступая однако въ споръ, т.-е. не вдаваясь въ протестантизмъ, мы отказываемся и отъ авторитета римскаго, повторяя слова нашихъ кievскихъ предковъ: „отцы наши не приняли его“. Къ этому мѣсту приведена такая подстрочная сноска: „Старый Римъ палъ, вдавшись въ аполлинаріеву ересь, говорять старообрядцы вмѣстѣ со всею древнею Русью. Новѣйшее же протестантство осуждаетъ Восточную церковь за отступленіе отъ Аполлинарія, т. е. сближаетъ православіе съ расколомъ, а себя съ старымъ Римомъ... И потому, чтобы найти выходъ изъ раздѣленія; нужно не уподобляться Западу, а Западъ привлечь къ подобію себѣ (къ православію); нужно признать *вочеловѣченіе*, вмѣсто признаваемаго Аполлинаріемъ пантеистиче-

скаго волошніч, т. е. нужно не человѣка, и даже Бога, принижать до сиюй природы, а человѣка, какъ образъ Божій, надо поставить надъ природою, „ибо не въ природѣ Богъ, а съ нами Богъ!..“ Нужно быть подобіемъ Бога, а не природы; нужно объединеніе не по типу организма, а по образу Тріединаго Бога, по образу Пресвятой Троицы, иерадѣльной и несліянной“ ..

„Такъ какъ Федоровъ не принимаетъ творческихъ энергій Бога“, — говорить Голованенко на стр. 587-й, — „то всякое возможное творчество—лишь возсозданіе, смѣщеніе и оформление“. Чтобы доказать до какой степени клевета на Федорова, будто онъ не принимаетъ творческихъ энергій Бога, достаточно сослаться на приведенное уже нами мѣсто на стр. 420-й т. 1-й Фил. общ. дѣла, гдѣ приводятся слова Господа Нашего Іисуса Христа: „Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю“. Эти слова повторены Федоровымъ еще и на стр. 724-й той же книги, гдѣ говорится: „обращеніе дарового въ трудовое, принудительного въ добровольное и есть задача школы, ибо трудъ есть высшая добродѣтель, уподобляющая насъ Богу, создавшему все изъ ничего. Безусловно добродѣтель эта принадлежитъ только Богу („Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю“), Который творить изъ ничего; твореніе изъ ничего есть безусловное отрицаніе дарового“. Но по мысли Федорова, не лишенъ въ познѣстномъ смыслѣ будеть этой добродѣтели, этого могущества и родъ человѣческій, когда онъ будеть „единъ съ Богомъ“ (Іоан. XVII, 21); а до того, и прежде всего, родъ человѣческій долженъ возсоздать все погибшее по винѣ, человѣка по его грѣху; погибшее потому, что человѣкъ не исполнилъ заповѣди Господа, данной при сотвореніи,—управлять міромъ. Еще разъ обращаю вниманіе на стр. 455—456 т. I Фил. общ. дѣла, на мѣсто, начинающееся словами: „Но Создатель мира изъ ничего и въ созданномъ Имъ мірѣ проявляеть свою мощь лишь въ немощи; и ни въ чемъ, конечно, не могутъ такъ выразиться глубина и богатство премудрости, какъ въ спасеніи безконечной вселенной чрезъ такую ничтожную пылинку, какъ земля, и чрезъ такое ничтожное существо, какъ человѣкъ“. Кончается это мѣсто такъ:

„внегда же покорити ему всяческал, ничтоже остави ему не покорено“.

„Лишь отрицаніе энергії Бога привело Федорова къ обожествленію труда“, — говоритъ Голованенко на стр. 587-й. Изъ приведенного же выше сего мы видимъ какъ разъ противное, видимъ, что изъ признанія Бога творящимъ изъ ничего, въ признаніе Его творчества не прекращающимся, Федоровъ пришелъ къ убѣждению, что трудъ уподобляеть насъ Богу.

Какъ это понять: „природа можетъ быть вѣстникомъ славы Божіей“ (стр. 587 я) и въ то же время — „въ естественно-необходимомъ откровеніи нѣть свободного взаимопроникновенія свободного богочеловѣческаго единства“?! Но все естественное свободно создано Богомъ, создано не безцѣльно, а для того, чтобы быть вѣстникомъ славы Божіей. Почему же въ естественно-необходимомъ откровеніи нѣть свободного богочеловѣческаго единства? почему это откровеніе не можетъ привести насъ къ этому единству?! „Или Богъ — въ насъ, или Богъ — тайна вѣчная. Федоровъ не отвѣчаетъ на эти колебанія“, — говоритъ Голованенко на стр. 588-й. Но Федоровъ и не считалъ возможнымъ отвѣчать на эти колебанія: по мысли Федорова, они разрѣшатся для насъ лишь тогда, когда родъ человѣческій объединится по образу Пресвятой Троицы; тогда Господь нашъ Иисусъ Христосъ, обѣщавшій быть съ двумя и тремя, собравшимися во Имя Его, несомнѣнно будетъ съ нами, и тогда все для насъ будетъ ясно, всѣ проблемы и колебанія разрѣшатся, но... только тогда!

Федоровъ не бралъ на себя разрѣшенія антиномій, которые остаются неразрѣшеными и до сихъ поръ; онъ утверждалъ что антиноміи эти и не могутъ быть разрѣшены одною мыслью и однимъ опытомъ, каковъ онъ нынѣ есть, опытомъ отдѣльныхъ личностей,ничѣмъ между собою не связанныхъ; онъ утверждалъ, что антиноміи будутъ разрѣшены только тогда, когда родъ человѣческій объединится по образу Пресвятой Троицы, т. е. будетъ единными, сохранивъ полную самостоятельность, полную оригинальность

каждой личности. Только действие объединенного рода человеческого на землю, какъ на цѣлое, а затѣмъ и на весь міръ, приведетъ къ разрешенію всѣхъ антиномій, разрѣшавшая которыя,—каждый въ отдѣльности,—мы пока бьемся какъ рыба обѣ ледь, какъ птица въ клѣткѣ, не приходя ни къ какому решенію, или же отрицая все, не доступное нынѣ намъ, какъ это дѣлаютъ Кантъ и Конть и ихъ послѣдователи. Федоровъ и себѣ не приписываетъ разрешенія антиномій, нынѣ для насъ не разрешимыхъ. Все значеніе Федорова — въ указаніи пути, какимъ родъ человѣческій можетъ прйтти къ такому разрешенію. Вѣрнѣ же сказать, что и не въ указаніи пути значеніе Федорова, потому что путь указанъ уже Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ въ новослѣдной заповѣди — „шедше, научите вся языки, крестяще во Имя Отца и Сына и Св. Духа“. Значеніе же Федорова — въ раскрытии прикровенного смысла этой заповѣди, — прикровенного для того, чтобы не лишить человѣка свободы, дабы человѣкъ самъ додумался о томъ, что отъ него требуется. Чтобы не лишить человѣка свободы, и самое воскресеніе Христа было прикровеннымъ для всѣхъ, за исключеніемъ весьма немногихъ свидѣтелей — очевидцевъ воскресшаго Христа. Ради этого, Господь нашъ не сошелъ и со креста, какъ требовали Иудеи; ради этого, Христосъ явился на землю въ рабьемъ видѣ, жить среди насъ, какъ одинъ изъ насъ, страдаль и умеръ; воскресъ же такъ, что вѣра въ Его воскресеніе можетъ быть воспринята только свободнымъ убѣжденіемъ.

Безусловно свободное существо, то есть даже своему Творцу не подчиненное, создано быть не можетъ, ибо всякое твореніе есть тварь, т. е. низшее Творца. Господь Отецъ Нашъ, въ благости Своей, создавъ міръ и человѣка-правителя міра, вложилъ въ это Свое созданіе все необходимое, чтобы созданное сдѣлалось самовозсоздаваемымъ или самовозсозданнымъ, дабы стать высшею тварью, нѣкимъ подобіемъ Самого Творца своего по способности не къ созданію (изъ ничего), а къ возсозданію утраченного. Но это не значитъ, что, создавъ міръ и человѣка, Богъ покинулъ ихъ; можетъ ли быть рѣчь о томъ, что Богъ покинулъ насъ,

когда на землю пришелъ Самъ Господь Нашъ Иисусъ Христосъ?!

Федоровъ не рѣшалъ,—живы наши умершіе или они мертвы? Онъ одно зналъ, что они мертвы для нась, живущихъ, и чтобы оживить ихъ для нась, онъ видѣлъ одно только средство—объединеніе всѣхъ живущихъ по образу Пресвятой Троицы для познанія міра, земли, въ которую обратились наши умершіе по приговор Бога нашего, виною * вызванному:—„земля еси и въ землю отыдеши“. И не со мнѣвался онъ ничуть, что къ такому именно соединенію и познанію призывалъ и Спаситель Нашъ Свою новоскресною заповѣдью, всею Свою жизнью, страданіями, во скресеніемъ и вознесеніемъ на небо.

„Если предки—живые въ новомъ мірѣ, то культь предковъ будетъ плачъ сыновъ и призывомъ отцовъ“, говорить Голованенко на стр. 588-й. Но если предки—въ новомъ мірѣ, и живы тамъ, то о чёмъ же плакать,—развѣ о себѣ, что мы остаемся еще въ этомъ мірѣ, а не въ новомъ, который несомнѣнно лучше нашего?.. И зачѣмъ въ такомъ случаѣ призывать предковъ въ нашъ мірѣ?.. Федоровъ, не предрѣшая того, въ какомъ состояніи нынѣ находятся наши умершіе, такъ какъ это могло бы быть дано знать только объединенному роду человѣческому, предполагалъ однако, что быть живымъ въ этомъ мірѣ есть состояніе совершиеннѣйшее, чѣмъ состояніе умершихъ, такъ какъ смерть была наказаніемъ; а потому онъ и полагалъ, что дѣло рода человѣческаго въ настоящемъ времени есть воскрешеніе, возвращеніе къ жизни всѣхъ умершихъ, чтобы изъ земли, въ которую отошли они, потерявъ жизнь, стали они опять живыми. И это лишь первый шагъ къ исполненію заповѣди Нашего Спасителя „будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ, и молитвы Его „да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“. Призывомъ къ объединенію для воскрешенія Федоровъ и ограничивался и не хотѣлъ останавливаться на вопросѣ о состояніи, ни посмертномъ, ни по-воскресномъ такъ какъ все, что бы мы ни сказали объ этомъ, будетъ гадательно, будеть только мечтою... Одно, впрочемъ, мы съ

увѣренностью можемъ сказать, что съ воскрешенiemъ всѣхъ мы пріобрѣтемъ знаніе, которое предотвратитъ въ насъ совершеніе новаго грѣха и оградитъ насъ отъ злоупотребленія нашею свободою.

Даже немногочисленныхъ, приведенныхыхъ мною выписокъ изъ статей Н. Ф. Федорова, думается, достаточно для убѣжденія въ глубоко религіозномъ характерѣ всего его ученія. Внимательному и безпристрастному читателю его произведеній должны быть очевидны не только искреннее проникновеніе его мыслей общимъ духомъ христіанства, но и его горячая любовь къ Церкви православной во всѣхъ ея проявленіяхъ: въ вѣроученіи, богослуженіи, священныхъ обрядахъ, иконописи и т. д., также, какъ и въ историческомъ и бытовомъ вліяніи ея на судьбы Востока православнаго и Святой Руси народной.

Біографическая же воспоминанія о Н. Ф. Федоровѣ и переписки его, имѣющія быть напечатанными въ III томѣ его произведеній, полагаемъ, окончательно выяснить, до какой степени и въ жизни своей этотъ величавый во смиреніи праведникъ былъ человѣкомъ подлинно-русскимъ и православнымъ.